

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (3714)

Четверг, 16 мая 1957 г.

Цена 40 коп.

МИТИНГ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Вчера в Большом Кремлевском дворце состоялся митинг дружбы между народами Советского Союза и Монгольской Народной Республики...

Значительные успехи Монгольской Народной Республики в развитии своей экономики, образования, науки, литературы, искусства...

ЗАКАНЧИВАЕМ публикацию беседы с министрами культуры союзных республик о наиболее интересных событиях культурной жизни...

К СОРОКАЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ГОД БОЛЬШОГО РАСЦВЕТА

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о выпуске художественной литературы в юбилейном году.

Ответ. Юбилейный, 1957 год является поистине рекордным в этой области. Судите сами: в 1955 году мы выпустили 224 книги...

- ★ Рекордное количество книг.
★ Собрание сочинений М. Горького на грузинском языке.
★ 115 новых библиотек.

столичных зрителей. Во время декады надеемся показать также балет А. Мачавариани «Отелло» в постановке В. Чабукиани.

зается четыре новых музея. Вопрос. Как встречают великую дату театральные коллективы республик?

Ответ. Коллектив Театра имени Пастухова в Баку отмечает юбилей «Войны и мира» Г. Гейсера.

Вопрос. Как расширяется сеть культурно-просветительных учреждений?

Ответ. В этом году республика получит 115 новых библиотек (из них 99 сельских) и 73 клуба.

Предусмотрен и более ускоренный выпуск произведений грузинских классиков. В прошлом году было завершено, например, издание семитомника Важа Пшавела.

Многое новое и в музыкальном мире. Так, ряд новых спектаклей осуществил Государственный театр оперы и балета имени Палиашвили.

В этом году грузинская общественность отмечает 120-летие со дня рождения И. Чавчавадзе.

Но и эти темпы издания художественной литературы ни в коей мере не удовлетворяют потребности читателей.

Вопрос. Как расширяется сеть культурно-просветительных учреждений?

Ответ. В этом году республика получит 115 новых библиотек (из них 99 сельских) и 73 клуба.

Вопрос. Как расширяется сеть культурно-просветительных учреждений?

Ответ. В этом году республика получит 115 новых библиотек (из них 99 сельских) и 73 клуба.

Окончание. Начало см. в «Литературной газете» за № 12, 21 и 28 февраля, 5, 14 и 21 марта, 6 и 23 апреля с. г.

III ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

14 мая в Московском Доме кино открылся III пленум правления Союза писателей СССР. В работе пленума участвуют руководители республиканских, краевых и областных писательских организаций...

пленума выступили И. Абашидзе и А. Караваева. Вчера в прениях приняли участие П. Бровка, Е. Полевая, А. Башкиров, В. Овечкин, С. Михалков, В. Озеров, М. Соколов, С. Орлов, Ю. Тлюстен, Т. Жарков, Н. Рыленков, Л. Новиченко, К. Симонов, Н. Рогов, А. Макаров.

О некоторых вопросах развития советской литературы после XX съезда КПСС

Доклад секретариата III пленуму правления Союза писателей СССР Партия и литература

СРЕДИ задач, решаемых Коммунистической партией и Советским государством в период построения коммунизма, одно из важнейших мест занимают задачи коммунистического воспитания...

XX съезд КПСС намечает ясную программу дальнейшего развития советского общества, в основе которой лежит все возрастающая забота о человеке.

Для нас, советских писателей, открыто и с гордостью служащих своему народу, важно до конца осмыслить, что шестая пятилетка не только крупнейший шаг в создании материально-технической базы коммунизма, но и новый исторический этап на пути всестороннего развития личности советского человека.

чительные задачи выдвигаются перед редакциями всех периодических изданий Союза писателей.

Вопрос. Как расширяется сеть культурно-просветительных учреждений?

Ответ. В этом году республика получит 115 новых библиотек (из них 99 сельских) и 73 клуба.

Участники III пленума правления Союза писателей СССР. Слева направо: К. Феликс, М. Бажан, Л. Леонов и А. Сурков.

отрадили молодую культуру от замыкания в узких рамках сектантства. В 1932 году решения партии позволили концы разобщенной литературы на группы и группочки...

Любой документ, как бы он ни был значим, обусловлен в своем содержании и выводах временем и обстоятельствами своего появления на свет.

Эти же две стороны в решении вопроса о руководстве в области культуры и литературы нашли свое отражение и в известном письме ЦК РКП «О прелестях культуры».

Этот эскиз в прошлом полезен сейчас, когда после XX съезда КПСС партия партии на руководстве литературы вновь подвергается яростным атакам из лагеря реакции и со стороны некоторых литераторов в Югославии, Венгрии и Польше.

Нельзя пройти мимо статьи Б. Назарова и О. Гридневой, напечатанной в прошлом году в журнале «Вопросы философии», и «Заметок писателя» А. Крона, опубликованных во втором сборнике «Литературная Москва».

На пути к родным берегам

С каждым днем приближается дизель-электроход «Лена» к берегам Родины. В эти майские дни мы оглянем экваториальную Африку.

Для процветания Родины!

Новый заем, весть о котором была передана во вторник днем по радио, одобренными встречены в стране. Заем выпущен, как известно, всего на пять лет, на сумму 12 миллиардов рублей...

Борт дизель-электрохода «Лена» (по радио)

негры, малайцы, матросы с близстоящего британского корабля, превратились в концерт подлинной дружбы.

Не отставать от требований жизни

ПОСЛЕ XX съезда КПСС прошло немало месяцев. Это время отмечено напряженной и острой борьбой за повышение идейно-художественного уровня советской литературы...

Не отставать от требований жизни

назала наши недостатки и осмысливала пути их преодоления. Сущность основного конфликта, показанного литературой послевоенного периода, сводится к борьбе передовых сил нашего общества против бюрократов, карьеристов, рутинеров...

О некоторых вопросах развития советской литературы после XX съезда КПСС

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Первый долг нашей литературы — художественно осмыслить и как можно шире изобразить процесс активизации народных масс. Характерная черта литературы последнего времени — усиливается внимание писателей к изображению радостного советского человека. Писатели стремятся заботливо показать все стороны народной жизни, не уходя от изображения наших трудностей, теневых явлений.

Мы уже видели это в тех произведениях, о которых говорилось выше, мы видим это и в новом рассказе М. Шолохова «Судьба человека». Думается, что этот рассказ имеет принципиальное значение для нашей литературы. Обратившись к героической эпохе Великой Отечественной войны, писатель рассказывает о трудной судьбе русского человека. Стойко сражаясь за Родину, выходя в кровавом фантасматическом плену, пережить гибель близких, — столько для этого нужно душевных сил и мужества! Война не сломила дух и не ожесточила сердце Андрея Соколова! Мужество, стойкость, гордость, душевную красоту М. Шолохов изображает как естественные проявления характера советского человека.

Заметный поворот нашей литературы к изображению жизни рядовых людей сказывается и в том, что эта тема раскрывается в произведениях наших прозаиков, поэтов, драматургов все более разнообразно, у каждого по-своему. Один писатель показывает нам силу чувств советского человека в широком эпическом размахе, другому свойственна «лягушья» разработка этой темы, третьему присваивает советский человек в обстановке быта, повседневности. Таковы лучшие рассказы наших новеллистов С. Антонова, Ю. Нагибина, С. Воронина, И. Мележа, А. Бахаря, молодого писателя И. Лаврова и других.

Глубокий интерес к тому новому, что появилось в нашей жизни за последние годы, наблюдается и в других жанрах: поэзия, драматургия, киноискусство. Нет возможности подробно анализировать здесь каждую из этих областей литературы. Но чтобы было ясно, о чем идет речь, можно назвать, например, в поэзии новые главы поэмы А. Твардовского «За далью — даль», стихотворную повесть «Строгая любовь» Я. Смелякова, лучшие из новых стихов В. Луговского, Л. Мартынова, Н. Заболоцкого, В. Казина, А. Прокофьева; в драматургии — драматическую поэму М. Светлова «С новым счастьем!», пьесу А. Володина «Фабричная девочка»; в кинодраматургии — «Весну на Заречной улице» Ф. Миронера, «Дело Румянцев» Ю. Германа.

Отмечены выше черты, разумеется, характерны не только для русской литературы.

В каждой республике в последнее время опубликованы новые художественные произведения, свидетельствующие о дальнейшем развитии нашей литературы, о ее естественном вхождении в жизнь, о более глубоком и осмысленном подходе писателей к действительности.

Советские писатели показали, как сложен процесс овладения новыми методами руководства, как велико еще иногда сопротивление старых, косных сил, как разнообразны формы мимикрии чуждого нам делу приспособленцев, карьеристов и бюрократов. Черты такого общественного типа мы видим и в Борзове из «Районных будней», и в Медведеве из «Трудной весны», и в Овечкине, и в Князеве из романа «Ухабы» В. Тендрякова, и в Крамове из повести А. Чаковского «Год жизни». Разоблачение многообразных форм приспособленчества, беспощадная правда о тех, кто мешает нашему движению к коммунизму, — подлинная заслуга писателей.

Поворот к острому и актуальному проблем современности, стремление художественно осмыслить жизнь в ее сложных и самых существенных связях — главная особенность литературы сегодняшнего времени. Те же черты ярко сказываются и в разработке тем интернационального значения, и в разработке тем исторического прошлого, столь далекого, казалось бы, от волнений и забот текущего дня. В качестве примера сошлемся хотя бы на роман Эм. Казакевича «Дом на площади», роман Э. Грина «Другой путь», очерки В. Васильевича о Китае и многие произведения других прозаиков и поэтов, разрабатывающих интернациональные темы.

Заметное место в литературе последнего времени занимает историко-революционная и историко-биографическая тема. Назовем повесть В. Коженикова «Заре навстречу», Ф. Гладкова «Мятежная юность», П. Нилина «Испытательный срок» и «Жестокость», С. Улу-зода «Утро нашей жизни», повесть А. Бруштейн, «Сотворение мира» В. Захаркина, «Полная вода» М. Нгуэна. Лучшие из этих книг исторического плана тоже звучат глубоко современно. В этом отношении особенно поучительна повесть П. Нилина, сумевшего в повести «Жестокость» на материале тридцатилетней давности в увлекательной художественной форме поставить глубоко современный вопрос о социалистическом гуманизме, о доверии к человеку.

Плодотворные сдвиги в литературе неразрывно связаны с партийными решениями последних лет.

Общий смысл этих перемен состоит в том, что литература наша, преодолевая неминуемое место лабиринта действительности и бесконфликтности, выходит на дорогу смелых исканий и глубокого проникновения в самые сложные общественные процессы.

В ПРОШЛОМ году случилось так, что в сложной современной обстановке некоторым — в том числе опытным, талантливым писателям и поэтам — в их видении и осмыслении нашей действительности иногда изменяли чувство жизненной правды и художественный вкус. Показывая

теневые стороны жизни, они не сумели раскрыть активность масс, изобразить реальные завоевания нашего строя и в силу этого дали односторонне искаженную действительность.

Дочитав до конца роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», мы узнаем, что главный герой книги Лопаткин победил, но главный его враг Дроздов поднялся на ступеньку выше по служебной лестнице, неведом Шутиков. В романе В. Дудинцева победа Лопаткина, казалось бы, мотивирована: Галицкий построил машину, честные люди спасли от огня документы, доказывающие правоту Лопаткина. Но ведь папка с документами улетела случайно, а как Галицкому удалось построить машину, в романе не показано. Логика изображения событий вступила в противоречие с логикой рассказа о событиях. Иначе и быть не могло. Герой поставлен В. Дудинцевым в трагические обстоятельства. Лопаткин до страшного одиночества в своем одиночестве. Если бы одиночество Лопаткина было показано как причина его долгих неудач, трагизм его личной судьбы был бы понятен. Каждому было бы ясно, что надо делать: нельзя быть одиноким, нужна опора на людей, вместе с ними надо бороться.

Лопаткины одерживают победу в жизни, но при определенных обстоятельствах, которые не изображены В. Дудинцевым. Счастье советских людей в том, что необоримая сила, противостоящая Дроздовым и Шутиковым, есть и она действует. Не раскрыл этой реальной силы, то есть не показал активности народных масс, В. Дудинцев дал такое изображение нашего социалистического общества, которое объективно создает о нем извращенное представление.

В связи с этим же останавливает внимание и рассказ Д. Гранина «Собственное мнение». Д. Гранин не потренился против жизненной правды ни тогда, когда изображал карьеру Минаева, ни тогда, когда писал о монополизме и властном режиме, установленном в науке академиком Строевым. Но беда в том, что за изображением отрицательных явлений нашей жизни, бессильного одиночества Охловского не ощущается реальной силы, которая кладет конец двуличию и карьеризму. Ошибка Д. Гранина родственна ошибке В. Дудинцева.

Здесь же приходит на память и поэма С. Кирсанова «Семь дней недели». Закономерен ее критический пафос борьбы с бюрократизмом и приспособленством. Но представленная в поэме картина всерадостная записка бюрократа в стране явно не верна. Это — одностороннее изображение реальной жизни нашего общества, искажение перспектив его развития.

Те же тенденции проявились в той или иной мере и в некоторых других рассказах, стихах и пьесах (рассказ А. Яшина «Рыгачи», пьесы «В тихом переулке» А. Мовшана, «Человек шепчет счастье» А. Школьников, «Дело Рогозина» А. Плоткина и др.).

Голос писателя обретает наибольшую силу, когда, вскрывая недостатки нашей жизни, писатель стремится показать формы проявления неискренности народной инициативы. Именно такая позиция соответствует боевому, наступательному духу нашей литературы. Новое в нашей жизни одерживает победу над старым, переставая отстывать. Подлинных людей нового обряда у нас гораздо больше в масштабах этого общества, чем людей, извращенных пороками прошлого. Однако это не значит, что литература должна изображать отрицательные явления лишь как отдельные случаи или единичные происшествия, а отрицательных персонажей — как нечто тоже единичное и исключительное.

Художественная литература по своей природе типизирует то, с чем имеет дело. И хотя положительное начало преобладает в нашей жизни, хотя хорошие и полноценные люди у нас больше, чем дурные и неполноценные, литература, разумеется, типизирует не только положительное, но и отрицательное.

Но, говоря о принципах типизации, нам необходимо задуматься и над такими литературными примерами, когда правдивые и жизненные обобщения заменяются обобщениями умозрительными, натянутыми, ложными. Мы хотим обратить внимание на одну очень показательную пример такого ложного, искусственного обобщения. Это напечатанное в 1956 году в журнале «Октябрь» стихотворение М. Алигер «Самое главное».

Поэт поставил себе целью дать в этом стихотворении собирательный образ советского человека эпохи вообще. Речь в стихотворении идет не о том или ином типе людей с присущими этому типу людьми достоинствами и недостатками, а именно о советском человеке вообще.

Оказывается, что с одной стороны, — герой, а с другой стороны — негодяй, с одной стороны, великан, с другой стороны — подсел, причем то, что он герой и великан, — это его основные черты, а то, что он негодяй и подсел, — это случайные для него черты, которые надо и можно вытравить.

Как же, спрашивается, оценить эту обобщенную форму, когда она прямо адресуется, — и это подчеркивает сам поэт, — к образу советского человека вообще? Совершенно очевидно, что здесь, в своих попытках типизации, Алигер пошла по ошибочному пути. Обобщенный образ советского человека по справедливости заслуживает иного портрета, чем тот, который дан в ее стихотворении.

ГОВОРИМ о проблемах типизации в нашей литературе, нам при оценке созданного советскими писателями за последние год — полтора следует задуматься над тем, какая в целом картина жизни нашего современного общества вырастает со страниц нашей литературы.

В конце концов, когда мы говорим о том, что наша советская литература — это большое коллективное хозяйство, за которое все мы вместе отвечаем, то это ведь прежде всего значит, что мы все вместе отвечаем за то, как наша литература изображает жизнь нашего общества.

Если мы в самом деле не хотим превратить Союз писателей в учреждение, занимающееся только организационными и хозяйственными вопросами, то нам долг, долг правления Союза писателей, органа, отвечающего между стезями за всю нашу работу, присмотреть к тому, как идет эта работа. Мы должны оценить, насколько соответствует ход этой работы тому принципу правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии, который записан в нашем уставе и называется методом социалистического реализма.

И вот если взять всю эту картину литературного развития в целом, то мы увидим, что при всех положительных сдвигах, происшедших в нашей литературе, несомненно есть отставание от жизни. Борьба с последствиями культуры личности, ликвидация всех нарушений демократии и революционного законности, ожесточенная борьба с бюрократизмом, с догматизмом и патернализмом во всех областях — все это есть исторически конкретная правда в нашей сегодняшней жизни, все это свидетельствует о ее революционном развитии. Но в жизни мы не только исправляем былые ошибки,

Под знаменем социалистического реализма

СОВЕТСКАЯ критика и литературоведение переживают сейчас сложный, переломный момент своего развития. Желание творчески осмыслить проблемы развития литературы в живой связи с реальной действительностью чувствуется и в статьях, и в книгах критиков и литературоведов, и в дискуссиях.

В центральных и республиканских журналах значительно увеличилось число и повысилась качество теоретических статей, посвященных насущным проблемам эстетики. Глубже и конкретнее стали разрабатываться вопросы художественного мастерства. Наши журналы стали чаще обращаться к историко-литературным темам, имея целью глубже осветить проблемы традиций классического наследия и становления метода социалистического реализма. Стало больше нетерпимости к догматизму и рецидивам вульгарного социализма в трактовке литературных вопросов.

В 1956 году в центральных и республиканских издательствах появился ряд основных монографических и проблемных исследований о писателях-классиках, о советских писателях, книг, представляющих итог многолетней исследовательской работы. К числу таких исследований можно отнести книги Б. Томашевского «Пушкин», С. Борщевского «Шекспир и Достоевский», вторую книгу В. Перцова «Маяковский», монографию В. Ермилова «Ф. М. Достоевский», книгу М. Рыльского «Поэзия Адама Мицкевича», исследование В. Евдокименко «Общественно-политические взгляды Панаса Мирного». Народный писатель Латвии Андрей Улит закончил свой почти десятилетний труд — теоретическое исследование по вопросам социалистического реализма в литературе. Появились книги и сборники статей, обобщающие опыт развития классики, современной советской литературы и литературы зарубежных стран. — В. Смирновой, В. Рюрикова, Е. Добица, З. Кедриной, В. Брайниной, Т. Мотылевой, В. Песина, А. Кудачева, Л. Асташина.

Отмечая здоровые стремления и богатые возможности нашей литературной критики, нужно, однако, со всей определенностью сказать, что она далеко еще не удовлетворяет тем требованиям, которые диктуются современной жизнью. Процессы, протекающие в современной литературе, активность буржуазной идеологии — все это поставило перед критикой и литературоведением такие актуальные проблемы, решение которых является не только профессиональным, но и гражданским долгом советских критиков и литературоведов.

Некоторые товарищи, неверно истолковав задачу переосмысления исторического процесса развития советской литературы, начали ревизовать литературные явления, оказавшие плодотворное влияние ее развитие, или обелять и выводить из поля критики такие произведения, которые не способствовали развитию советской литературы.

В ЛИТЕРАТУРЕ происходят сейчас значительные сдвиги; она переживает один из важнейших переломных этапов за всю историю своего существования. Все это требует обобщения, вдумчивого исследования, без чего невозможно правильно направлять ее развитие. Между тем наша литературная критика все еще слабо справляется с этой задачей. Подавляющее большинство тематических и проблемных обзоров, опубликованных в прошлом году в наших журналах, дает в лучшем случае лишь описательную картину состояния лите-

ратуры без всякой попытки анализа тенденций ее развития.

Есть и здесь, конечно, отдельные заявки и даже относительные успехи (как, например, статья А. Зильбершта «Поэзия и реализм» в «Звезде», где правильно поставлен вопрос о некоторых тенденциях развития современной поэзии, или статья Я. Ершова «Удобная сатира» в той же «Звезде» о путях развития советской сатиры). Но это лишь отдельные статьи. В большинстве же случаев перед нами просто серия коротеньких рецензий на разбираемые произведения, связанных общей ниточкой одной темы или проблемы (и, как правило, не выходящей за рамки узкого литературного круга проблем, — единство формы и содержания, мастерство сюжетостроения и т. д.).

Наша критика проявила в последние годы законный интерес к вопросам мастерства, но стала отходить от смелой и глубокой разработки проблем мировоззрения и метода применительно к тем или иным конкретным явлениям литературы. Поэтому анализ развития текущей литературы, разговоров о мастерстве, об освоении художественных традиций классики носят зачастую абстрактный характер. В качестве примера можно сослаться хотя бы на два сборника критических материалов, изданных в 1956 году Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Институтом русской литературы Академии наук, — «Русская советская литература 1954—1955 гг.» и «Вопросы советской литературы», книга III.

И вполне объяснимо, что наша критика, наша литературная наука в целом оказались в большом затруднении, когда современность потребовала от них очень ясной, твердой, исторически конкретной и строго научной аргументации в защиту метода социалистического реализма.

Проявился определенная растерянность нашей критики и при столкновении с такими фактами литературной жизни, как роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и другие, сходные с ним, произведения. Обсуждая их, наша критика долгое время не могла вскрыть несоответствие чисто субъективистской методологии, лежащей в основе некоторых из этих произведений, принципам метода социалистического реализма, не могла выявить нарушения авторами этих произведений законов художественной типизации, свойственных методу социалистического реализма.

Необходимость разработки этих эстетических проблем становится очевидной и в связи с некоторыми другими особенностями современного литературного развития. Несомненно, что рядом с большой, страстной, в подлинном смысле слова исследовательской литературой, развивающейся сейчас на основе крупных общественных сдвигов, у нас существует и литература иллюстративная, упрощающая и обесцвечивающая жизнь. Эта литература обрывает в десятках вариаций один и те же конфликты, проблемы, ситуации, но лишает страсти поиска, страсти самостоятельного познания жизни. Как правило, она лишь «перекладывает» в образы всем известные идеи и мысли, подчиняя образную систему заранее заданной абстрактной схеме. Между тем наша критика все еще очень слабо борется с этой опасной тенденцией.

ОСОБО важное значение приобретает в современных условиях постановка проблем социалистического реализма. По-

пытки опорочить или, по меньшей мере, признать значение всего опыта развития советской литературы уже в течение года предпринимаются польской, венгерской и югославской литературой (и не только литературой) печатью. Эти попытки продолжают в реакционной буржуазной печати, использующей любую возможность для дискредитации социалистического общества и его институтов.

Огонь ведется по всему фронту советской литературы, но с наибольшей силой сосредоточивается на методе социалистического реализма. В этом хоре голосов, поднятом против социалистического реализма, есть, разумеется, разные оттенки. Есть голоса враждебные и объективно и субъективно, когда социалистический фразеологический призыв к реставрации буржуазных литературных отношений, к равнению на буржуазный литературный Запад. Есть и голоса субъективно честные, но объективно, в общем хоре, играющие роль невольных подпевал реакционерам и реставраторам.

Нам нет нужды ставить знак равенства между теми и другими голосами, проявлять нервозность и несправедливость, но неверные оценки путей развития советской литературы и ее основного метода — социалистического реализма — должны подвергаться с нашей стороны принципиальной и последовательной критике, независимо от того, из чьих уст исходят эти оценки. Последовательный и принципиальный разговор на эти темы нужен нам еще и потому, что и в нашей собственной литературной среде за последние время были высказывания, неверно оценивающие историю нашей литературы и в той или иной форме ставящие под сомнение плодотворность метода социалистического реализма или стремящиеся свести этот метод к мировоззрению. Отметим при этом, что некоторые из подобных высказываний прозвучали из уст литераторов, чья собственная творческая практика является свидетельством плодотворности метода социалистического реализма.

Все это объясняет нас на первом после XX съезда партии писательском пленуме вернуться, на основе серьезного, вполне предметного и конкретного разговора, к вопросу о методе социалистического реализма, о его значении и в истории советской литературы, и в ее современном развитии.

СОВЕТСКАЯ литература родилась не на пустом месте. Она начала складываться в годы гражданской войны и в годы напака как литература нового общества, в котором со всей силой шла классовая борьба. Естественно, что отражение этой борьбы было в литературе очень сложным и противоречивым.

Если говорить о писателях, начавших свой путь в революционной литературе, то один из них в первые годы напал пошел вправо и в ряде случаев превратился во внутренних эмигрантов. Другие писатели, в том числе и оказавшиеся одно время за рубежом, разочаровались в идеях контрреволюции и, движимые патриотизмом, верой в народ, вернулись в Советскую страну, стали попутчиками революции и превратились впоследствии в строителей социалистической культуры. Многие писатели, политически связавшие себя с судьбами революции еще в годы гражданской войны, в своем мировоззрении и творчестве прошли сложный и противоречивый путь эволюции от мелкобуржуазных позиций к социалистическим. Наконец, в советской литературе широко выдвинулась целая плеяда пролетарских писателей.

В литературной жизни двадцатых годов мы нашли определенное отражение — иногда прямое, иногда косвенное — и враждебные делу строительства социализма идеи троцкизма и правого уклона.

Когда мы справедливо говорим, что Первый съезд советских писателей в 1934 году был съездом объединения сил нашей литературы, то для того, чтобы в этом вопросе была полная ясность, сейчас, так же как и тогда, надо ответить на вопрос: на какой базе происходило это объединение сил литературы?

Съездом писателей предшествовал XVII съезд партии — съезд победителей, подготовивший сделанное народом за первые пятнадцать лет, что кратко, но величественно формулировалось как построение основ социализма. Это и было основой единения сил литературы, оформленного Первым съездом писателей.

В области литературной теории новая общая позиция литературы нашла свое выражение в уставе Союза писателей, когда в нем было записано, что социалистический реализм, являясь основным методом советской литературы, «требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Метод социалистического реализма возник, разумеется, не на съезде, он не был выдуман или навязан литературе кем-то извне. Начало социалистического реализма наши теоретики справедливо относят к еще революционному творчеству Горького, ко времени появления «Матери» и других его произведений.

Социалистический реализм утверждал себя как основной метод советской литературы, развился в самом процессе литературного развития, раскрывало основные закономерности этого развития, фиксировало новые черты литературы, помогало теоретически осмыслить происхождение в ней процессов и в свою очередь помогло критике влиять на эти процессы.

Существовали ли и существуют ли в советской литературе произведения, о которых мы не говорим и не можем сказать, что они созданы на основе метода социалистического реализма? Да, существовали и существуют, и никто и никогда этого не

отрицал. В советской литературе плодотворно в течение десятилетий работали такие крупные художники, как, например, М. Пришвин, чье творчество вряд ли можно охарактеризовать, как развивающееся в русле социалистического реализма.

Утверждение метода социалистического реализма не предполагает политической дискриминации и вышибания из советской литературы тех писателей, кто сегодня нельзя без натяжки назвать социалистическими реалистами. Вместе с тем мы считаем социалистический реализм, безусловно, самым плодотворным методом нашей новой литературы, отстаиваем его творческие принципы, близкие огромному большинству советских писателей, критикуем отступление от социалистического реализма или искажение его.

Естественно, что мы не можем оставаться равнодушными к тем нападкам на социалистический реализм, которые вот уже год настойчиво ведут его противники — от Яна Готта, Шпобля и Телица в Польшу до Лукача в Венгрии, Видмара и Младеновича в Югославию.

Наши противники хотят изобразить нас эдакими нетерпимыми догматиками, беспощадно отлучающими от литературы строящего социализм общества все то, что не входит в понятие социалистического реализма. Они стремятся запугать этим наших мнимых догматизмом тех многочисленных писателей стран народной демократии, которые, сочувствуя делу строительства социализма, в то же время в своем творчестве не являются или пока еще не являются социалистическими реалистами.

Нам пора разоблачить эту нехитрую и старательно игнорирующую факты демagogию. Анализ пути таких крупных писателей, — и ушедших от нас, и ныне живущих, — как А. Толстой, А. Малышкин, Л. Леонов, М. Бажан, К. Федина, И. Эрнбург, П. Тычина, М. Рыльский, А. Улит, Ю. Яновский, Я. Купала и ряда других, лучше абстрактно-теоретических исследований мог бы показать любому не предубежденному человеку, что внесло в творчество этих писателей их активное участие в социалистическом строительстве. Этого-то как раз и не хотят наши противники. Они намеренно предпочитают обрушиваться на социалистический реализм, как на голую теорию, всеми силами стараются оторвать ее от художественной практики.

При всех ошибках, какие у нас были, наш путь остается новаторским путем литературы, связавшей свои судьбы с судьбами нового общества. А что же взамен этого пути предлагают противники социалистического реализма в качестве социальной программы? Назад, в двадцатые годы? Назад, к буржуазному модернизму?

Враги социалистического реализма стремятся расшатать все здание советской литературы не только для ее дискредитации, но и ради того, чтобы закрыть путь развития тому новому, что рождается в литературе из стран, ради того, чтобы повернуть назад развитие этих литератур. Мы намерены бороться с этим прямо и честно не только в интересах нашей советской литературы, но и в интересах борьбы за действительно социалистическое, действительно новаторское развитие литературы в Польше, в Венгрии и других странах социалистического лагеря.

Это наш прямой долг не только перед советской, но и перед мировой литературой, и мы этот долг выполняем, срывая маски с мнимых друзей и помогая стать на верный путь всем тем, кого они запугали и сбили с пути своей недобросовестной антимарксистской демagogией.

ПРЕДАВАЯ внимание участников пленума свой коллективный доклад, секретариат отнюдь не стремился под видом его создать некий расширенный проект будущей резолюции. Наш доклад — это постановка для дискуссии некоторых вопросов развития нашей литературы, с которой нам хотелось бы начать этот пленум. Нам кажется, что и среди поставленных нами вопросов есть вопросы для всех нас дискуссионные, — это принцип безраздельного служения литературы интересам строящего социализм народа, это ленинский принцип партийного руководства литературой, это основные черты метода социалистического реализма.

Однако в то же время в докладе поставлен ряд вопросов развития нашей литературы, вокруг которых среди писательской общественности шли и идут дискуссии. Знаю об этом, секретариат правления Союза писателей, не менее, решил высказать по этим вопросам свое коллективное мнение в порядке свободной творческой дискуссии.

В докладе содержатся те или иные оценки некоторых вышедших за последнее время произведений. Мы такие же писатели, как и все присутствующие на пленуме, и в наших писательских оценках некоторых из этих произведений есть расхождения, есть свои индивидуальные оттенки. Но, сказав об этом, мы считаем необходимым одновременно подчеркнуть, что общая оценка движения нашей литературы после XX съезда КПСС, общий взгляд на те достижения, которые у нас были, и на те издержки и отклонения от верного пути, которые проявились в ней, являются нашим коллективным мнением.

И большие трудные задачи, стоящие перед нашим народом, строящим новое общество, и все обостряющаяся в международном масштабе борьба на идеологическом фронте требуют от нас, советских писателей, единства сил, ясности в оценке положения, самоотверженной действенной работы на благо народа, руководимого Коммунистической партией.

Наш пленум призван подтвердить необходимость основных принципов развития советской литературы, он призван в творческой дискуссии содействовать разрешению тех неясных и спорных вопросов, тех старых и новых сложных творческих проблем, которые существуют в литературной практике и в литературной теории. А конечная цель этой дискуссии — поиск наиболее плодотворных путей развития нашей литературы, а также наша решимость единодушно идти по этим путям, определяемым интересами народа, идеями коммунизма.

В первые между заседаниями III пленума Союза писателей СССР. Слева направо: Л. Соболев, М. Шагинян, М. Исаковский. Фото А. Лапина

Статья С. Смирнова «Большая тема», опубликованная в нашей газете 23 февраля с. г., вызвала широкий отклик читателей. Редакция получила много писем, в которых советские люди подчеркивают важность поднятых в статье вопросов, горячо поддерживают основные ее положения.

Бывший боец Первой Конной армии Д. Долгополов пишет о том, что нужно подробнее рассказать нашей молодежи о героике гражданской войны, о тех, кто беззаветно сражался с белогвардейцами. Это особенно необходимо сделать сейчас, накануне 40-й годовщины Великого Октября. Следует шире публиковать мемуары участников гражданской войны. Было бы очень полезно, если бы опытные литераторы помогли былым, много видевшим людям написать их воспоминания.

Многие читатели (И. Коган из Баку и другие) говорят в своих письмах о том, что у нас очень бедна мемуарная литература о Великой Отечественной войне, и в связи с этим поддерживают предложение С. Смирнова о возрождении «кабинета мемуаров».

«Вопрос об участии писателей в литературной обработке, литературной записи рассказов «былых людей» заслуживает самого серьезного внимания Союза писателей, и надо полагать, он не будет забыт. О как много будет пользы!» — говорится в письме Н. Чурака (Москва).

В своих откликах читатели останавливаются и на другом, не менее важном вопросе — на вопросе об изображении в художественной литературе Великой Отечественной войны.

«Я не буду здесь доказывать, какое воспитательное значение имеют для нашего народа правдивые, яркие произведения, — это давно доказано жизнью, — пишет из г. Харькова генерал-майор запаса Д. Макаренко. — Я хочу присоединить свой голос, голос читателя, к голосу литератора тов. Смирнова: в нашей литературе об Отечественной войне действительно есть общедоступные и непростительные проблемы и упущения. «Наша военная литература до сих пор предпочитала изображение второго, победного периода войны, избегая 1941 года», — справедливо писал С. Смирнов. Мы, читатели, хотели бы больше читать таких правдивых, бесстрашных книг, как «Железный поток» Серрафиновича, «Разгром» П. Фадеева, «Неделя» Либедского, как «Навод бессмертных» Гроссмана, первая часть «Белой березы» Бубеннова и т. п. Пишите, дорогие товарищи литераторы, яркие и правдивые произведения о самых тяжелых и жестоких битвах за судьбы нашей Родины, пишите о больших делах малых героев, пишите и о делах больших и известных героев, о подвигах этих битв, и ваши книги станут бессмертными, как бессмертен наш народ».

«Правдивое изображение первого периода войны имеет огромное, не только историческое, но и политическое значение: в тот очень тяжелый период борьбы с фашизмом особенно ярко проявились патриотизм и самопожертвование советских людей, — пишет И. Сафонов (Москва). — На эти беспримерные факты героизма и нужно воспитывать нашу молодежь в духе верности идеям марксизма-ленинизма».

«Вскоре перед нами ужасно трудным году больше всего было героев, отдавших жизнь за нашу Родину, — говорится в письме А. Либереца (Московская область). В трудной боевой обстановке со всей силой проявился характер советского человека, выходящего за пределы моральных и физических возможностей. Между тем о народных ополченцах сейчас почти не пишут, как будто не было этого мощного народного движения».

«Целиком разделяю все ваши взгляды по затронутым вопросам, — пишет журналист А. Вояков (Сталинградская область). Особенно привлек мое внимание третий раздел статьи, где ставится вопрос об изображении героизма людей прошедших сроков плен, но оставшихся верными своей Родине».

Читатели горячо поддерживают этот раздел статьи. У нас должны появиться книги, показывающие борьбу, быть может, самую трудную, — борьбу и стойкость наших людей в страшном гитлеровском плену.

Многие бывшие узники фашистских лагерей рассказывают в своих письмах о жизни и борьбе в неволе, о героизме советских людей, и в плену не покорившихся врагу.

«Хочется рассказать о том, при каких обстоятельствах попали в плен, о товарищах по лагерям, мужественных, стойких, преданных Родине, Коммунистической партии, — пишет из Борисоглебского лагеря военнопленный Л. Резкин. — В тяжелой военнопленности трудной обстановке нас возмущала на жизнь, на борьбу такие замечательные люди, как тов. Карышев, с которым я находился вместе в лагере Хамельбург, как Н. И. Шаров из г. Шуш Ивановской области (он умер от скоротечной чахотки зимой 1942 г. перед смертью он просил меня, если выживу, сообщить семье и детям, что он умер преданным своей стране, Родине, Коммунистической партии); как подполковник Иванов, с которым я находился вместе в рабочей команде на карандашной фабрике в г. Нюрнберге. Он был организатором саботажа, налаживая связь с пленными бельгийцами и голландцами, вел усиленную пропаганду против фашизма. Нельзя не рассказать о страшном лагере Розендорф. Здесь строили шоссе к дороге 24 декабря 1941 года по апрель 1942 года. За этот период из 450 человек было замучено и умерло в годола 320. Эту дорогу мы

называли «дорогой смерти». Здесь погибло много замечательных людей, стойких борцов, таких, как летчик Советского Союза, который отказался выходить на работу. Его били палками, несколько раз отливали водой, а после этого бросили голым в цементированный, облитый водой, подвал. На другой день он умер».

«Правдивые, глубоко человеческие слова С. Смирнова о бывших военнопленных возбудили меня до глубины души, — говорится в письме сотрудника научно-исследовательского института сельского хозяйства М. Горобченко (Барнаул). — Вспоминая годы, проведенные в плену, я прежде всего думаю о погибших на чужбине товарищах, о тех огромных могилках в фашистских лагерях, где остались десятки тысяч наших советских людей. Они погибли во имя Родины, во имя победы над фашизмом — забытые, брошенные, окруженные врагами, которые толкали их на путь предательства. Но они выстояли. Погибли, но погибли с чистой совестью».

Непростительно, что мы, живые, почти ничего не сделали для того, чтобы увековечить их в памяти народа. Их жизнь и смерть стоят этого. В некоторых странах есть «могилы неизвестного солдата» — хорошие памятники всем, без вести пропавшим или погибшим на чужбине. Следовало бы и у нас в стране подумать о создании таких памятников».

Обидно, что читатели до сих пор не имеют значительных, крупных литературных произведений о бывших военнопленных. Хорош рассказ М. Шолохова «Судьба человека», но он один не может заменить такие книги, в которых показывались бы все многообразие душевных качеств советского человека, проявленных в фашистской неволе. В будущих литературных произведениях важно показать, что в нечеловеческих условиях плена с особой силой проявились такие качества, как дружба, товарищество, самопожертвование, интернационализм».

С этим положением перекликается письмо Ф. Еременко (Устиновский район Кировской области). Он рассказывает об одной пожилой женщине из Милана (Италия), которая самоотверженно, с риском для жизни помогала советским военнопленным. «Эта женщина, по кличке «Мать» (это имя было известно во время полетов «торедо»), на протяжении длительного периода умудрялась обходить тщательную охрану и кормить 12 военнопленных. Каждый день 2—3 раза она, незаметно для часовых, доставляла продукты для истощенных людей. В то же время она брала от нас заметки о жизни в Советском Союзе для коммунистической газеты, которая выходила нелегально в Милане».

Ф. Еременко высказывает свою глубокую благодарность этой замечательной итальянке, подлинное имя которой и адрес ему, к сожалению, не известны.

В поддержку статьи С. Смирнова выступает и Л. Макарова (Куйбышев). «Автор статьи очень справедливо отмечает, — пишет она, — что военная тема должна занимать в советской литературе очень большое место. У нас, читателей, интерес к этой теме не пропадет никогда, потому что все мы ненавидим войну и знаем значение этого страшного слова».

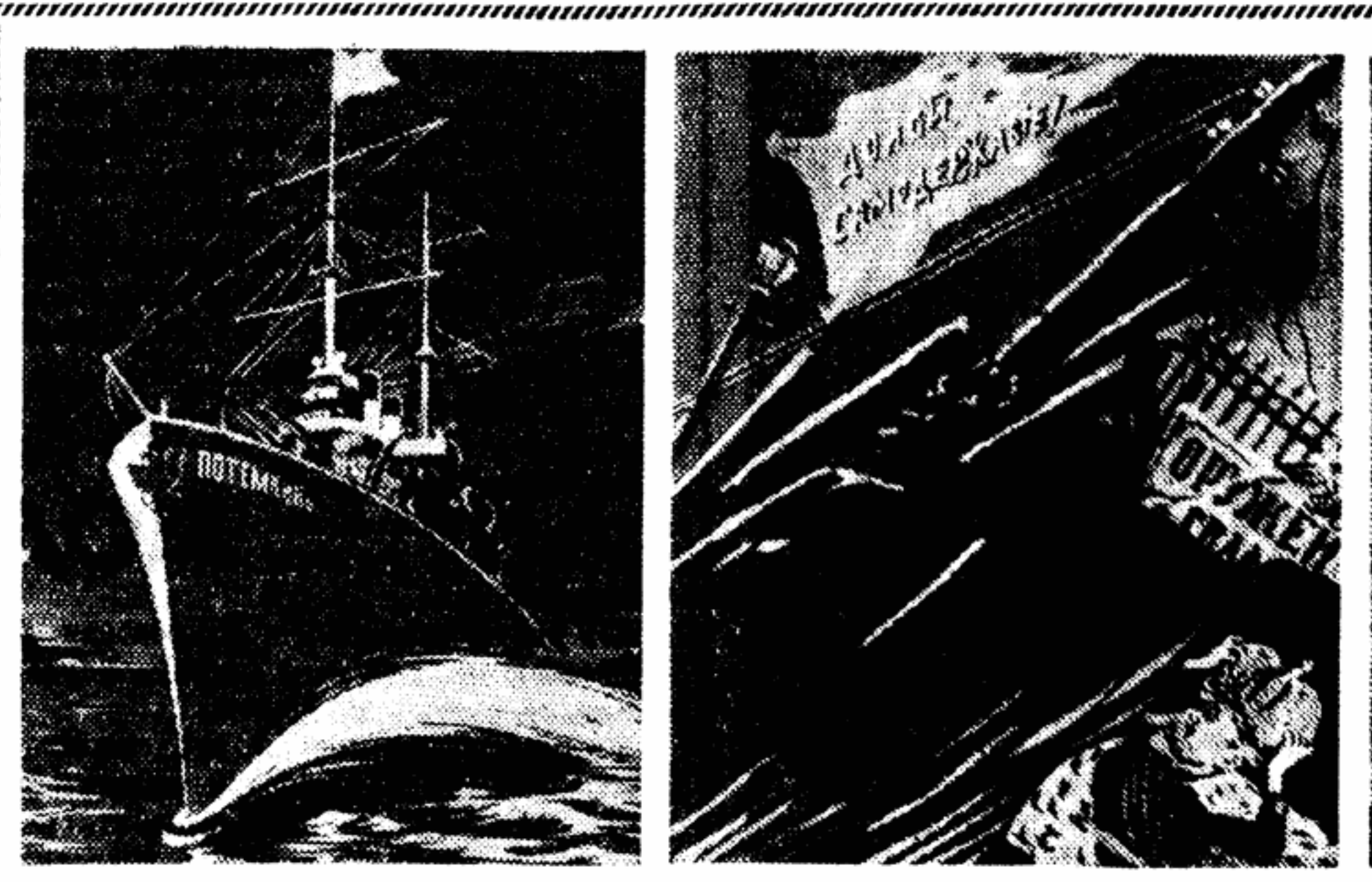
«Я думаю, что не ошибусь, — продолжает она, — если скажу, что люди, участвовавшие в Великой Отечественной войне, люди, которые выстояли в фашистском плену, такие люди, как защитники Брестской крепости, — это лучшие герои произведений, уже написанных, и тех, которые будут создаваться».

Но я думаю также, что картина войны на страницах книг не будет полной, если там не будут упомянуты те, кто был оторван войной от родных мест, кто, теряя близких своих, эвакуированный в глубокую тыл. Разве они — женщины, дети, старики — не должны войти на страницы книг? Разве не добавят они свою долю правды? А те местные жители, которые с открытым сердцем тепло встречали эвакуированных, брели под свою опеку не только сирот-детей, но и осиротевших взрослых; и эти люди, согретые теплом человеческой заботы и приобщенные к новому труду, заново начинали свою расколотившую войну жизнь! О таких людях тоже должны быть написаны книги».

«Безусловно назрел вопрос о написании не только истории Великой Отечественной войны, но и истории Советской Армии, первой в мире коммунистической армии, — пишет полковник запаса З. Островский. — До сорковой годовщины Советской Армии осталось меньше года. За это время можно многое сделать. При написании истории Советской Армии и истории Великой Отечественной войны целесообразно было бы привлечь к этому делу генералов и офицеров запаса и отставных, имеющих большой опыт службы в армии и борьбы на фронтах гражданской и Отечественной войн». Об этом же пишет Г. Баранов (Ленинград), Л. Калтанян (Москва) и др.

На вопросы, затронутые в статье, откликнулись также Д. Сидоров (Нитмир), О. Литвинский (Рига), П. Еткус (Железнодорожный), И. Кокорев (Московская область), И. Харланов (Каменская область), И. Шевченко (Ессентуки), Д. Ковалев (Брянская область), Т. Санякин (Нировоград), офицеры Советской Армии Ремез, Поляченко, Клименко и др.

Единой поддержке читателей статьи С. Смирнова «Большая тема» свидетельствует о том, что автор поставил действительно важные вопросы, верно выразил мысли и настроения широкой советской общественности.

Еще и сегодня слышат потоки в грозах черноморского дна, как шел один броненосец «Потемкин» на всю аскадру царев.

Долой самодержавие! ...Готовьтесь к бою! На баррикады! Громите оружейные магазины и склады! Брачики в руки! На баррикады!

Ворвались. На ковер! Под раззолоченный кров! Каждой лестнице каждый выступ брали, перешагивая через юнкеров.

(В. Маяковский. «Москва горит») (В. Маяковский. «Москва горит») (В. Маяковский. «Хорошо!»)

ПО-ГОРЬКОВСКИ...

ПИСЬМА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой, энергичный участник всего того, что творится в стране...

Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем.

А. М. Горький

Н. ПОПОВА, Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

Не спешат профессионализироваться, уйти «на иждивение к лире» и автор романа о Рашише Александр Шмаков, и свердловчанин Вадим Очеретин, успешно закончивший Высшие литературные курсы, поэт Михаил Нилович и Яков Волхонен, Михаил Анохин, старший уральский поэт Николай Кушум. Конечно, совмещать производственную работу с творческой не так легко. Но вот что примечательно: чаще всего жалуются на отсутствие времени для творчества как раз те, кто прежде достаточно профессионализировался и теперь все усилия тратит на приращение временного заработка.

Чувство большой тревоги вызывает поведение некоторых начинающих литераторов, которые, ощутив за плечами легкие крылья первого успеха, немедленно бросают работу, отрываясь от коллектива, начинают вести беззаботную жизнь. До сих пор среди молодежи еще существует легкое отношение к писательскому труду — прямой результат некоторых наших просчетов в работе с молодежью. У нас не создано атмосферы нетерпимости к ловкачам-недоучкам, спекулирующим на уважении к званию писателя, на том, что они «начинающие» и ими «обязаны заниматься».

ДАВНО ПРОШЛИ времена, когда неграмотность — проклятое наследие прошлого — была извятием. На заводах Свердловска, Челябинска, Нижнего Тагила, Магнитогорска и других крупных индустриальных центров Урала сейчас немало найдется бригад, цехов, смен, где все рабочие имеют среднее образование. Тот, кто не смог учиться своевременно, учится сейчас, учится, несмотря на седы виски и видное общественное положение. На Челябинском тракторном, например, около ста командиров производства — начальников цехов, работников заводоуправления — занимаются на вечернем отделении политехнического института.

Нельзя не гордиться этими людьми... И нельзя не испытывать чувства обиды за наш литературный цех, где, на беду, не перевелись люди, больше рассуждающие о пафосе учебы, чем занимающиеся ею. Их знания бывают порой до бедности скудными. Есть авторы — и авторы, уже печатающиеся, которые настолько не в ладу с грамматикой и стилистикой, что вынуждены прибегать к помощи «переводчика», роль которого выполняют машинистка, корректор, редактор издательства.

Конечно же, не от хорошей жизни редакторы художественной литературы Свердловского издательства завели тетрадь, куда записывают наиболее яркие «перлы» из рукописей, над которыми им доводится работать. Здесь можно встретить такие сногшибательные фразы: «Он встал свою ногу в руки и вышел на улицу»; «Ее глаза смотрели быстро и сразу во все стороны, а он молчал и, обливаясь потом, уплетал еду»; «Рабочий, вместо смотра на безжизненных лошадей, жадно читал листовку...»

Писатель, предлагающий издательству подобные «перлы», с полной убежденностью считает, что отшлифовал рукопись — прямое редакторское дело. Некоторые наши товарищи — не только из числа начинающих — бесцеремонно передают значительную часть своего литературного труда на плечи работников издательства и негодуют, если строптивый редактор откажется перепечатывать целые страницы, «дотягивать» образы.

Можно назвать ряд книг, которые вышли в свет лишь благодаря «донорской» помощи редакторов. Мы убеждены, что даже во имя спасения ценной по своему материалу рукописи делать этого нельзя. Помнится, как резко высказывался против подобной «помощи» Павел Петрович Бажов.

«Пусть человек учится ходить на своих ногах», — говорил он, — на подпорках далеко не уйдешь.

НАряду с «ПОДПОРКАМИ» в большом ходу у нас и разного рода амортизаторы, смягчающие резкость правдивого слова. Мы подчас забываем горьковские слова о том, что суровая требовательность —

конкурс на лучшую детскую песню

Объявлен конкурс на лучшую детскую песню, который проводит Министерство просвещения РСФСР совместно с союзом писателей и композиторов, а также с Министерством культуры РСФСР. Участники конкурса могут избрать любой жанр: героический, лирический, шуточный, танцевальный и т. д. Тематика песен также самая широкая.

За лучшие песни для детей младшего, среднего и старшего возрастов установлены девять премий — от 10 до 5 тысяч рублей. Произведения на конкурс принимаются до 1 сентября 1957 года.

это высшая форма уважения к товарищу и к его труду. Бывает, что издатель, желая уберечь уютного им автора от критики несерьезной организации, издают книги фактически в обход литературной общественности. Подобные факты не раз бывали, например, в Челябинском областном книжном издательстве. Обычно в таких случаях издатель прикрываются громкими словами насчет заботы о молодежи.

А разве не ясно, что в работе наших отделений Союза писателей и издательства следует смело практиковать не только горьковскую чуткость, но и горьковскую резкую прямоту оценок. На работу со слабыми, бесперспективными произведениями уходит основное время работников отделений Союза писателей и работников книгоиздательства, ибо плохих рукописей в общем потоке значительно больше, чем хороших, а редактировать их несравненно труднее, чем произведения, отмеченные печатью таланта. Думается, что консультативную работу надо строить так, чтобы основное внимание уделялось людям одаренным. Не к чему писать развернутые рецензии на графоманские произведения. Пусть жалуются графоманы (а они любят жаловаться!), писательский долг велит без обиняков сказать автору бездарной рукописи:

«Литературных данных у вас нет. Заметим, что нередко московские издательства и редакции газет и журналов, избегая прямых оценок графоманских рукописей (это ведь может повлечь последующую неприятную переплывку!), рекомендуют авторам «обратиться в местное отделение Союза писателей», «упорно продолжать работать над собой».

Отбегавшие от Москвы получают не только графоманы. Случается, и не так уж редко, что автор произведения, справедливо и резко раскритикованного в местном отделении, получает из уважаемого московского журнала обласкающую рецензию, где есть и похвала теме, и глубокое сожаление, что «ваша повесть не отвечает профилю нашего журнала и потому мы вынуждены отказаться от нее». Весьма обидящие рецензии на являющиеся неудачными произведениями получали в свое время из «толстых» журналов наши уральцы Н. Артюхов, А. Кляевский и другие товарищи. Вред подобных безответственных отзывов несомненен.

Побольше прямоты, товарищи рецензенты! Вред полтона хороши лишь в явном художественном произведении, а в оценке самого произведения нужна предельная определенность: получилось оно или нет, талантлива ли бездарна рукопись?

На недавней межобластной конференции писателей Урала много внимания было уделено проблемам социалистического реализма. Конференция отчетливо показала, что большинство наших товарищей правильно, глубоко понимает сущность этого революционного метода, позволяющего раскрыть в образах не только прошлое и настоящее, но и проникать в «третье Горький будущее». И с ним, людьми умными и теоретически подготовленными, не следует сюсюкать, нельзя отдаляться от них и общими фразами.

РОСТ ПИСАТЕЛЬСКИХ СИЛ дает право нашим уральским писательским организациям уже не только мечтать, но и всерьез думать об издании собственного уральского журнала, который способствовал бы укреплению связей литераторов с читателями, более успешному выполнению высокого писательского долга.

С большим волеизлиянием писатели Свердловска откликнулись на хорошее начинание местного книжного издательства, предложившего возобновить выход книг по истории заводов. Алексей Максимович Горький видел в этой работе прекрасную возможность писателям еще ближе стать к заводской жизни, полнее понять труд, labарав его «основным героем наших книг». Приложить к этому свои силы у нас есть кому.

На Урале много писателей — «хороших и разных». Большинство из них пришло в литературу уже в послевоенные годы, принеся с собой свежесть красок, остроту впечатлений, интерес и уважение к людям труда, творцам нового, жаркое стремление к работе.

Тяжелыми говорят: «Нет леса без полеска». У нас хороший «полесок». Литературный актив Свердловской и Челябинской областей непрерывно пополняется одаренными людьми, смело и успешно пробуящими свои силы. Примечательно, что среди них много инженеров, техников, журналистов, учителей, металлургов, машиностроителей, педагогов.

Идут в литературу не ищущие легкой славы неудачники, а люди красивых, гордых профессий. Эти не станут мыкаться по редакциям в поисках случайного гонорара, не станут жить на иждивении у жер и родственников в ожидания славы.

Надо помогать им, любящим, по-горьковски растить такую молодежь! Вот одна из самых серьезных «местных» проблем — проблем всей нашей литературы, свердловской — челябинской

Художник Н. Долгоруков закончил серию плакатов-рисунков под названием «Россия в трех революциях». Каждый рисунок сопровождается текстами Маяковского. Художник воскрешает далекие события, преломленные в восприятии поэта.

Стихи Маяковского иллюстрировать трудно. Прежде всего потому, что у него слишком своеобразное видение мира, которое не легко сохранить в рисунке, не утратить почерка поэта. Любое событие Маяковский видит словно через увеличительное стекло своего остро эмоционального восприятия. Это порождает сложную систему гиперболических образов, требующую от иллюстратора такого же эмоционального отношения к данному событию. Хотя поэт иллюстрирует с давних лет, далеко не всякий художник сумел передать дыхание века, слышимое в каждой строке поэта и связанное с этим образное и ритмическое своеобразие его поэзии. Это хорошо удалось Н. Долгорукову и, пожалуй, явилось главной удачей в большой работе художника. Долгоруков стремился предельно точно воплотить образы поэта в рисунке и творчески переосмыслить их, отыскав в изобразительных средствах новую форму, способную передать поэтическое своеобразие стиха. В этом плане интересен, например, плакат к словам: «И редели защитники Зимнего, как зубья у грешка».

Поэтический образ, вызывающий у нас ассоциацию с помолочным никчемным грехом, закреплено образом артельного, и поэтому действие его особенно сильно. В рисунке увлечен характер поэтического новаторства Маяковского: сугубо реалистическая ситуация, оттененная и усиленная гротеском.

Рисовать к стихам Маяковского трудно не только потому, что поэт владеет особым, ему присущим чувством ритма, своеобразной музыкальной стихом, возмущенным глотом, передающим отрывки из возгласий. Долгой самодержавие! ...Готовьтесь к бою! На баррикады!

Длительные поиски выражений внутренней динамики стихов привели Долгорукова к ломаной линии баррикады. Он рисует обломки предметов, как бы сметенные революционным выихром. В каждой детали чувствуется подтекст: кусок решетки был оградой почетного особняка, доска — вывеской оружейного склада...

То, что разработал Долгоруков в своей серии, — не иллюстрация к текстам и не текст, взятые в последние рисунке. Здесь действуют равновесие да системы образов — артельный и поэтический. Один из листов серии, посвященный 9 января, передает момент, когда чер, притаившись, злобно смотрит в окно, а там замерев в воспринятном ожидании толла. «Скор от величия был: «Пули в спины в груди и в лбы!»

Художник начал рассказ о пришедших с просьбой, поэт окончил — и встретили пулями. Так рисунок и текст развивают последовательное действие. Сочетание стиха и рисунка мы назвали плакатом-картинкой не случайно.

Плакат-картинка рождена боевым плакатом революционных дней. Социалистическая традиция «Огонь Ростом!» лаконична, условность, гипербола — старое, но грозное оружие. Но сквозь горчий, боевой плакат теперь ярче проступают черты эпического обобщения. Появляются признаки исторической картинности.

Плакат-картинка таит в себе богатые возможности для графической передачи стиха Маяковского. Многие в серии находятся еще в стадии исканий, но в своих поисках Н. Долгоруков стоит на интересном пути.

И. ГУЗИКОВА

Встреча с книготорговцами

ВЛАДИВОСТОК (Наш корр.). Местные писатели встретились с заведующими районными книжными магазинами. И хотя докладчик привел много фактов и цифр, владеющих о росте книжной торговли и сети магазинов, участники встречи говорили не об этих успехах, а о том, что книги все еще не хватает, что в отдаленные таежные поселки литературу привозят нерегулярно, что нужно внимательно изучать запросы и вкусы каждого читателя.

Говорили на совещании и о продукции краевого издательства. Его работникам пришлось услышать далеко не лестные высказывания о языке некоторых книг, порой небрежной рецензуре, оформлении, рисунках.

«Наш вторник»

Очередной «вторник» «Литературной газеты», состоявшийся 14 мая, был посвящен работам студентов-дипломантов режиссерского, операторского и актерского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии.

Наш институт готовит творческие кадры для советской кинематографии: режиссеров, сценаристов, актеров, операторов, художников-декораторов, художников-мультипликаторов и редакторов, — сказал вступительное слово заместитель директора института Ю. Генкин. — Многие дипломированные целком сделаны руками студентов. Некоторые из них можно увидеть на экранах страны.

Собравшись с большим интересом просмотрели цветной видовой кинофильм «Осень в Крыму» и фильм «На съёмочной площадке», рассказывающий о съемках фильма-балета «Ромео и Джульетта» (режиссер Л. Махач).

Фильм «Надом», снятый автором — оператором института Уртансаном Ойдовым, перенес зрителя на монгольский национальный праздник. В двух короткометражных художественных кинокартинах «Чужая любовь» по рассказу Л. Федоровой (режиссер Ю. Николаевский) и А. Шахмалиева) и «Над», снятый по мотивам сценария Л. Агарянова «Человек родился» (режиссер И. Бабиц) участвуют талантливые воспитанники актерского факультета.

В заключение был показан научно-популярный очерк «Федоскинская минература», сделанный режиссером В. Назаровым и операторами Ю. Зубовым и Г. Шаровым; он рассказывает о талантливых людях подмосковного села Федоскино, посвятивших свою жизнь декоративной росписи.

Вечере приняли участие проф. Л. Кудшов, доценты А. Хохлаев, К. Венц и дипломированные студенты. В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Разрешите через Вашу газету сердечное поблагодарить все организации и лиц, развивавших нам свое соучастие в связи с постигшим нас горем — смертью нашего дорогого, горячо любимого Ивана Андреевича Козлова. Семья КОЗЛОВА И. А.

Вестник Восточной думы ИЗДАЕТСЯ В КРАСНОДАРЕ

КРАСНОДАР. (Наш корр.). Местное издательство сдало в производство объемную рукопись «Годы боевые». Это — воспоминания участника Октябрьских боев и гражданской войны на Кубани, генерал-лейтенанта в отставке И. Хижиня. «Годы боевые» — одна из многих книг, выпущенных к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

И празднику выйдут воспоминания старых большевиков и сборник документов, в котором впервые публикуются многие архивные материалы о борьбе за становление Советской власти на Кубани. Выпущено в Краснодаре издательство «История». Его редактор — один из организаторов большевистских организаций на Кубани и в Причерноморье М. Седин, чьим именем названы сегодня в Краснодаре завод, несколько культурных учреждений и улица. На примере деятельности этого журнала дочь И. Седина — Елена Седина рассказывает о зарождении большевистской мысли на Кубани. Большой интерес для читателей представляют очерки дядиного писателя Ю. Тлюстеня, журналиста Л. Шибанова и писателя Г. Соколова о прошлом, настоящем и будущем одного ала, ридовой кубанской станции и об американско-английских интересах на Кубани в годы гражданской войны. «Кубань родная» — так будет называться книга о прошлом, настоящем и будущем Краснодарского края.

Среди наиболее интересных место отводится произведениям художественной литературы. Будет выпущен роман бышей учительницы И. Федоскиной «Дом двоюродного племянника» о 1905 и 1917 годах. Роман П. Ишанова «Боевая дружина» посвящен участию советской молодежи в войне. Предполагается выпустить и первую книгу романа Г. Соколова «На жиде Севастополе». Хороший подарок получат и Kubano новые читатели. Для них издательство выпустит праздничный сборник стихов, рассказов и очерков.

Для дружбы нет расстояний

Путь тысячи километров отделяет нашу страну от Индонезии, пусть различные языки и обычаи, но прочный мост дружбы связывает обе страны. Опорами этого моста служат пять принципов мирного сотрудничества.

С огромным энтузиазмом встречают индонезийцы Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова и сопровождающих его лиц. На массовых митингах высоких гостей осыпают розами, растапливают перед ними чудесные ковры. В этом сказываются уважение и признательность индонезийцев к дружеским отношениям советского народа. Растущие и крепнущие связи между двумя народами идут на пользу Индонезии и Советскому Союзу и служат делу укрепления мира во всем мире.

На снимке: К. Е. Ворошилов и президент республики Сукарно во дворце Мердена. Фото А. Стужина

12 апреля западногерманское научное общество «Макс Планк» опубликовало в Геттингене (Западная Германия) обращение 18 ведущих ученых и специалистов Федеративной республики в области атомной энергии. В своем обращении ученые-атомники предупреждают об опасных последствиях вооружения западногерманской армии атомным оружием.

Западногерманская газета «Нюрнбергер нахрихтен» поместила большую подборку писем читателей под заголовками: «Отклик на протест ученых силлане, чем на любое другое событие», «Манифест всемирной молодежи — мужественный поступок!», «Поток одобрительных писем от наших читателей», «Никто не публикует часть писем, опубликованных в газете «Нюрнбергер нахрихтен».

НЕ ИГРАТЬ С ОГНЕМ!

НЕЛЬЗЯ ОТМАХНУТЬСЯ
Мне хочется выразить свою признательность всемирному научному сообществу за его позицию по отношению к опасным последствиям атомного вооружения. От такого предостережения нельзя отмахнуться утверждениями, будто ученые «ничего не понимают в политике», как это попыталось сделать федеральное правительство. Здесь речь идет о большем, нежели просто о политике. Было бы неплохо, если бы наш федеральный канцлер побывал разок в Хиросиме, вместо того, чтобы постоянно ездить в США.

г. НЮРНБЕРГ
Ф. Ф.

КРОВЬ СТЫНЕТ В ЖИЛАХ!
Физики-атомники ни в коем случае не должны отказываться от своей точки зрения, — ведь они следовали голосу своей совести! У меня под руками лежит газетная вырезка со статьей американского военного изобретателя Болдуина, в которой красочно описывается, как будет выглядеть наша Федеративная республика в случае атомной войны. Кровь стынет в жилах!

г. НЮРНБЕРГ
К. Б.

цветы, плоды, вообще всякая растительность на земле была уничтожена; искалечены, заживо сожжены. Не допустите, чтобы птицы и звери были убиты, искалечены, заживо сожжены! Сделайте все для того, чтобы мир успокоился, чтобы дружба царилла между народами, чтобы процветали торговля, общение, культурные связи.

г. НЮРНБЕРГ
Е. X.

МУЖЕСТВЕННЫЕ ЛЮДИ
Эти мужественные люди (речь идет об авторах Геттингенского обращения) заслуживают всеобщего уважения. Их заявления свидетельствуют о гражданском мужестве, которое в наше время встречается все реже. То касается высказываний канцлера, то они являются недобрыми и резкими. Никто из тех, с кем я беседовал, не считает поведение канцлера приемлемым. Почему ученым-атомникам следовало «прежде, чем делать заявление», переговорить с д-ром Аденауэром? Разве от этого изменились бы их выводы? Федеральное правительство пора бы перестать преуменьшать опасность, грозящую Западной Германии.

г. НЮРНБЕРГ
Р. X.

НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО!
Всем немцам ученым ставилось в вину, что они были аполитичными до и после 1933 года, что они уединились в «башне из слоновой кости». Они должны были еще тогда, предвидя роковые последствия развивавшихся событий, предостеречь общественность. Немецкие ученые не хотят повторять допущенной ими ошибки. Они высказали свое мнение. Но — странная вещь! — это тоже не понравилось. За свободно выраженное ими мнение «вершки» начали, как говорится, «выправлять им мозги», хотя суть демократии и заключается в свободном обмене мнениями. Едва ли можно требовать от «верхов», чтобы они разбирались в проблемах атомной физики. Но чего от них можно и должно требовать — это понимания тех терзаний совести, которые испытывают ученые-атомники всех стран, в том числе и немецкие ученые. Стоит почитать хотя бы книгу Роберта Юнга «Ярче, чем тысяча солнц», и сразу станет понятным то глубокое беспокойство, которое овладевает физиками-атомниками, когда они видят, как в интересах политики злоупотребляют результатами их исследований.

г. НЮРНБЕРГ
А. Е.

СВЕРНУТЬ С ПУТИ САМОУБИЙСТВА
Спор боннского правительства с всемирнонаучными учеными-атомниками может иметь огромное значение для истории человечества. Кайзер Вильгельм Второй отстранил от себя и попатил за свое высокомерие, что проиграл первую мировую войну. Гитлер бросил людей, предостерегающих его, в концентрационные лагеря или казнил их и привел немецкий народ к катастрофе в его истории. Федеративный канцлер др Аденауэр и федеральный министр обороны Штраус отказываются признать за людьми, предупреждающими их, способность судить о вопросах мировой политики. Но истина заключается в следующем: тот, кто участвует в гонке вооружений, подливает масло в огонь, а тот, кто воздерживается от этого, тушит огонь водой. Пока еще есть время свернуть с пути самоуничтожения, который нам иначе придется пройти.

г. НЮРНБЕРГ
К. X.

ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УЧАСТИЯ В НАТО!
Вопрос об атомном вооружении не может больше замалчиваться. Этот вопрос всемирным образом связан с проводимой Бонном политической линией в отношении участия Бонна в НАТО. Эта организация, несмотря на все заверения о ее оборонительном характере, является не чем иным, как звеном в цепи окружения Советского Союза. Ясно, что опасность, грозящая расколотой Германией, еще больше возрастает в связи с вооружением государства, участвующего в пакте, атомным оружием. Федеративная республика может избавиться от опасности вовлечения в атомную войну и от угрозы уничтожения, лишь отказавшись от участия в НАТО.

г. НЮРНБЕРГ
В. Г.

ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ
Браво всемирнонаучным физикам-атомникам! Хвала настоящему человеку, который руководствуется в своих действиях совестью и чувством ответственности, который искренне высказывает свое мнение, не боясь навредить себе на кару. Вот это истинное мужество! А убийства и насилия — это трусость, а не храбрость.

Женщины всего мира! Я взываю к вашей совести, к совести всего мира. Не допустите, чтобы ваши дети и ваши любимые были убиты, искалечены, заживо сожжены, чтобы ваши дома были опустошены. Не допустите, чтобы все милые

Решения Берлинской сессии Всемирного Совета Мира с одобрением встречены во всем мире. Особенно горячо откликнулись на эти решения японский народ. Да это и понятно. Ведь Япония явилась первой жертвой атомной войны и испытаны ядерного оружия. В этой стране развернулось организованное, политическое сопротивление борьбе против грядущей человечеству страшной опасности.

40 процентов населения Японских островов, или свыше 34 миллиона человек, поставили свои подписи под петицией, требующей запрещения атомных и водородных бомб. Помсти же смышлеными и неглупыми камушками пути западных политиков, избравших японских сторонников мира как «агентов коммунизма». Весь народ — от мала до велика — против атомной войны!

Первомайский праздник в нынешнем году проходил в Японии под знаком усиления борьбы за запрещение атомного оружия. На снимке, взятном из французской газеты «Летанте», участники первомайской демонстрации в Токио несут макет атомной бомбы и транспаранты, на которых начертаны лозунги, требующие запрещения атомного оружия.

БЕЗВРЕМЕННАЯ кончина людей всегда казалась мне страшной трагедией. Должно быть, потому, что я сам литератор и мне особенно горько читать о смерти кого-нибудь писателя, которого люблю и который умер слишком рано, не исчерпав всех возможностей своего дарования. Именно с таким чувством я всегда думаю о Джеке Лондоне, погибшем так бессмысленно, едва достигнув сорока лет, и о Скотте Фитцджеральде — другом великом американском писателе, умершем в начале войны в расцвете творческих сил. То же самое можно сказать и о Маяковском, а не писателе прошлого — о Шелли, Марлоу и бог знает, о скольких других.

Редакция «Литературной газеты» обратилась к известному английскому писателю Джеймсу Олдриджу с просьбой написать статью на избранную им самим тему. Мы публикуем присланную нам статью, которая отражает глубокую тревогу писателя за судьбы молодого поколения Запады.

сильный стон боли. И, по-моему, прав был Майкс Маллсон, наш актер и драматург, когда в разговоре со мной сказал: — Мы тоже были «разгневанной молодежью» — после первой мировой войны, но нас возмущало то, что сделали с другими людьми, а этих инов возмущает лишь то, что делают с ними. Это существенная разница. Но, по-моему, «существенная разница» в том, что наша «разгневанная молодежь» не знала ни войны, ни настоящей бедности, а значит, не знала и серьезной борьбы. Она знает лишь скучное, но уютное существование, составляющее жалкий идеал мелкого буржуа, и хотя это существование успело набить ей оскомину, она не видит, чем можно заменить его, и предпочесть ему горькие его остатки. Потому-то они и превращаются в потерянное поколение, наши молодые люди, хотя для этого еще нет никаких оснований; они уже потеряли вкус к жизни и, как видно, совсем не умеют ею наслаждаться в противоположность героям Хемингуэя и Фитцджеральда. Мало того, они презирают людей, не находят ни малейшей радости в такой дружбе, какая связывала Билла Горта и Джейка Барна, или в прекрасной, хотя и страшной мечте Гэтсби о любимой женщине. Отчасти эти их позиции — просто мольный бунт. Однако это и подлинная примета времени, ибо молодой гневом, как мне думается, преисполнено все поколение.

РАЗДУМЬЯ О СУДЬБАХ МОЛОДЕЖИ НА ЗАПАДЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ, английский писатель

Но, собственно говоря, это ничего не доказывает, да и погибших писателей не воскресить. Однако если говорить не об отдельных людях, а о целых поколениях, то мысль эта обретает реальность и трагизм: сколько людей погибает безвременно! Я хочу этим сказать не то, что они умирают слишком рано, а то, что молодость их раздавлена суровыми требованиями, которые предъявляет им эпоха, зрелость неслепло проходит в борьбе за существование, тогда как они должны были бы наслаждаться всеми радостями творческого восприятия и созидания жизни.

правляется с другим героем, чужим в этой компании прожженных скептиков, которые превыше всего ставят дружбу и знание неписаных законов своего замкнутого мира.

Герой очень поэтичного романа Скотта Фитцджеральда «Великий Гэтсби», стремясь добиться любви и доверия одной-единственной женщины, попадает в ужасное окружение, которому он бесцельно противостоит. И хотя другие не могут понять, почему Гэтсби так тянется к этой единственной мечте своей жизни, лирический герой, устами которого говорит автор, понимает Гэтсби и любит его. В этом романе автор показывает, что люди, которых не дорожат, сознательно губят других, ломают им жизнь. Именно такими предстают перед нами богат Том и Дэйз Бьюкенен. Но какая у них была жажда жизни, как умели они веселиться! Беспощадно критикуя друг друга, порой проявляя жестокость к тем, кого любили, они все-таки оставались им преданы до конца. А как они переплавали за жизнь, как умели ценить все, что в ней есть стоящее, как презирали вытнок и плахи! Пусть философия их и не отличается особенной глубиной, а в ней много жагужающего, а потому, несмотря на ее ограниченность, о ней все же стоит поразмыслить.

Наконец, говорят они, кто-то чем-то возмущается, а кто покамест с их стороны это всего-навсего смесь жалости к себе и жестокого отращения к другим, такое возмущение сейчас неизбежно, и очень может быть, что из мелкой злобы разгорится настоящий гнев.

Суть в том, что перед подрастающим поколением все еще возможности: либо оно гневно и громко крикнет: «Нет!», либо будет молчать и в конце концов погибнет от накопления радиоактивного стронция в костях. Я надеюсь, что мы сейчас наблюдаем самые начатки такого бунта.

Быть может, главная опасность того гнева, который испытывают наши сердитые молодые люди, заключается в его бесперспективности. Нет у них подлинного представления о мире, в котором они живут, и поэтому все может завершиться их уходом в себя или какой-нибудь злобной вспышкой с самым жалким концом. Но так или иначе, то, что началось, не может обратиться вспять, и у молодого поколения, считающего себя потерянным, в конце концов должен созреть настоящий гнев, а не просто чувство горечи, хотя горечь и сопутствует мукам, с которыми сопряжено рождение этого гнева.

Конечно, жизнь целых поколений губит главным образом война. Когда Гергард Стайн после первой мировой войны сказала Хемингуэю: «Все вы — потерянное поколение», и Хемингуэй взял эти слова эпиграфом к своему роману «Фиеста», то оба они хотели показать, что сделала война с представителями молодого поколения Запады, многие из которых так бессмысленно погибли, а те, кому повезло выжить, оказались перед лицом настоящей катастрофы. Разумеется, я говорю о Западе и о буржуазных писателях, выражающих мысли и чувства своего поколения. В России в то время происходила революция, а рабочий класс западных стран начал длительную борьбу за улучшение своей жизни, и все это также определяло судьбы поколения. После войны молодое поколение тратило попусту свои силы не только в борьбе за существование; массу времени и умственной энергии отнимали у него поиски выхода из этой всей путаницы, которой вообще не должно было быть. Вот это и губит целые поколения.

Вспомнил про Скотта Фитцджеральда, Хемингуэя и других писателей «потерянного поколения», я не перестаю думать о том, что, несмотря на ощущение бесплодности существования, которое они выразили в своих книгах, несмотря на беспощадную характеристику, данную людям своего времени, несмотря на все это, вместе взятое, они все-таки не потеряли вкуса к жизни, умения радоваться дружбе и ценить ее. В сущности, об этом они главным образом и писали. Большая близость между героями романа «Фиеста» Джейком Барсом и Биллом Гортеном, — пусть она чувствуется лишь когда они пьяны, — один из самых прекрасных примеров дружбы. Хемингуэй с большой теплотой описывает их дружбу и беспощадно рас-

Владимир Иванович Чичеров был влюблен в народное поэтическое творчество и всю свою жизнь отдал его собиранию и изучению. Не было ни одного начинания в фольклористике за последние годы, среди инициаторов которого не был бы Владимир Иванович. Блестящий лектор, талантливый исследователь, он был учителем и воспитателем для многих, авторитетным консультантом и советником для других, активным соратником в научной работе для многих.

Многочисленные исследования Владимира Ивановича Чичерова, посвященные русскому былевому эпосу, календарной поэзии, вопросам взаимоотношения литературы и фольклора и многим другим вопросам, являются значительным вкладом в советскую науку. Теплый прием находили его работы в странах народной демократии.

Необычайно деятельный, работоспособный, энергичный, Владимир Иванович вел большую научную и организационную работу в качестве руководителя сектора народного-поэтического творчества Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, заведующего кафедрой фольклора Московского государственного университета, заместителя главного редактора «Известий Академии наук» (отделение литературы и языка), члена редколлегии журнала «Советская этнография».

Владимир Иванович был исключительно внимателен не только к своим ответственным обязанностям, но и к всякой просьбе, обращенной к нему. Он был чуток к любому человеку, с которым ему приходилось общаться. Смерть Владимира Ивановича Чичерова являлась тяжелой утратой для нашей литературной науки, для широких кругов литературной общественности.

Вспомнил про Скотта Фитцджеральда, Хемингуэя и других писателей «потерянного поколения», я не перестаю думать о том, что, несмотря на ощущение бесплодности существования, которое они выразили в своих книгах, несмотря на беспощадную характеристику, данную людям своего времени, несмотря на все это, вместе взятое, они все-таки не потеряли вкуса к жизни, умения радоваться дружбе и ценить ее. В сущности, об этом они главным образом и писали. Большая близость между героями романа «Фиеста» Джейком Барсом и Биллом Гортеном, — пусть она чувствуется лишь когда они пьяны, — один из самых прекрасных примеров дружбы. Хемингуэй с большой теплотой описывает их дружбу и беспощадно рас-

Сейчас я возвращаюсь к ней мыслью потому, что раздумывая о роли моего поколения в событиях нашего времени, и о том, как оно откликнулось на них. Мне думается, именно люди моего поколения больше всего участвовали в мигушей войне и больше всего из-за нее потеряли, ибо война пришла в то время, когда все мы только начали обретать себя. Но я все же не ощущаю себя «потерянным», а по-моему, нельзя сказать, что я не характерен для своего поколения. Вторая мировая война отличалась от первой. И то, ради чего она велась, и весь ее смысл были совершенно иными; все всякого сомнения, это сказалось и на ее последствиях. Но все же в послевоенные годы мы израсходовали вступитую очень много сил: только стало казаться, что жизнь немного налаживается, как вдруг началось чудовищное предательство, и все эти водородные бомбы, и всякие бессмысленные и зверства вроде Бореи и Суэца. И все-таки я не считаю себя «потерянным», и смею думать, мои современники — тоже. В некоторых из нас, по крайней мере, ясно, что нынешней путанице можно противопоставить совершенно иные, плодотворные возможности, и сознание это очень нам помогает.

Нет, не мое поколение, а то, которое подрастает сейчас, мнит себя «потерянным». Оно чувствует, что потерялось между адом прошлого и адом — или раем — будущего, и не верит ни в то, ни в другое. Прошлое не значит для них ничего, ибо они ничего не пережили, а будущее мало их привлекает: они не верят в него, и неверию этому учит вся их жизнь. В Англии их сейчас прозвали «разгневанной молодежью», потому что лучше всего их точку зрения пока выразил Джон Осборн в своей книге «Огняные во гневе». Везде в том, что, судя по себе Осборна и по произведениям пяти-шести других молодых писателей этого направления, не крик гнева вырывается у них, а громкий бес-

Нет, не мое поколение, а то, которое подрастает сейчас, мнит себя «потерянным». Оно чувствует, что потерялось между адом прошлого и адом — или раем — будущего, и не верит ни в то, ни в другое. Прошлое не значит для них ничего, ибо они ничего не пережили, а будущее мало их привлекает: они не верят в него, и неверию этому учит вся их жизнь. В Англии их сейчас прозвали «разгневанной молодежью», потому что лучше всего их точку зрения пока выразил Джон Осборн в своей книге «Огняные во гневе». Везде в том, что, судя по себе Осборна и по произведениям пяти-шести других молодых писателей этого направления, не крик гнева вырывается у них, а громкий бес-

Владимир Иванович Чичеров был влюблен в народное поэтическое творчество и всю свою жизнь отдал его собиранию и изучению. Не было ни одного начинания в фольклористике за последние годы, среди инициаторов которого не был бы Владимир Иванович. Блестящий лектор, талантливый исследователь, он был учителем и воспитателем для многих, авторитетным консультантом и советником для других, активным соратником в научной работе для многих.

Многочисленные исследования Владимира Ивановича Чичерова, посвященные русскому былевому эпосу, календарной поэзии, вопросам взаимоотношения литературы и фольклора и многим другим вопросам, являются значительным вкладом в советскую науку. Теплый прием находили его работы в странах народной демократии.

Необычайно деятельный, работоспособный, энергичный, Владимир Иванович вел большую научную и организационную работу в качестве руководителя сектора народного-поэтического творчества Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, заведующего кафедрой фольклора Московского государственного университета, заместителя главного редактора «Известий Академии наук» (отделение литературы и языка), члена редколлегии журнала «Советская этнография».

Владимир Иванович был исключительно внимателен не только к своим ответственным обязанностям, но и к всякой просьбе, обращенной к нему. Он был чуток к любому человеку, с которым ему приходилось общаться. Смерть Владимира Ивановича Чичерова являлась тяжелой утратой для нашей литературной науки, для широких кругов литературной общественности.

Журнал «Иностранная литература» закончил в апрельском номере публикацию романа известного румынского писателя Петру Думитриу «Буревестник». Эта книга — одно из значительных произведений послевоенной румынской литературы. Мы помещаем статью автора о творческой истории романа, написанную для «Литературной газеты».

История одной книги

Петру ДУМИТРИУ, румынский писатель

Мне хочется рассказать читателям «Литературной газеты» историю моей книги «Буревестник». Не потому, что я считаю ее более интересной, чем история другой книги, и не потому, что я считаю мой творческий труд более интересным, чем труд любого другого румынского писателя. Нет, я делаю это потому, что роман «Буревестник» и его рождение я знаю лучше, чем книги других писателей, и потому, что из рассказа об этом произведении читатели смогут познакомиться с некоторыми вопросами, волнующими многих писателей Румынской Народной Республики.

Несколько лет назад группа писателей во главе с Михаилом Салюняну совершила поездку по Дунаю, побывала в дельте Дуная до впадения реки в Черное море. Я также участвовал в этой поездке. Целыми днями мы плыли среди островков, вдоль очаровательных берегов Нижнего Дуная, гуляя их пернатых обитателей, которые тысячами влетали при нашем появлении, побывая гвезда, скрытые в камышах, где они высидели яйца, зеленые, как воды дельты Дуная.

В Ступинском порту, лежащем при впадении в море одного из рукавов Дуная, среди других морских кораблей, стоявших на рейде, я заметил старый корабль, окрашенный в пепельный цвет. Видно было, что бурь изрядно потренировал его. Это было не увеселительное судно, — оно знало тяжелый труд рыбаков. Среди остальных судов этот корабль казался крестьянской с загорающими лицом, окруженной элегантною, во малорывными дамами. Он сразу привлек мое внимание. Позже мне удалось посетить его. Здесь был стоек сильный запах рыбы. На палубе стояли бордатые

рыбаки, матросы и работницы. Это была плавающая фабрика консервов, судно, обслуживающее в море рыболовную флотилию.

В то же лето я отправился в море на этом судне и пробыл на нем до конца летнего лова. Что связывало меня с рыбаками, с их судном и легкими лодками, похожими на черных чаек? Прежде всего меня привлекала суровая жизнь рыбаков в море, полная тяжелого труда, более тяжелого, чем любой другой труд, за исключением, может быть, труда шахтеров, сталеваров и протачников. Меня привлекали эти хитрые люди, трудолюбивые, веселые и сильные. Меня привлекала красота моря, постоянно меняющая свою окраску. И, наконец, меня привлекало то чувство свободы и простора, которое охватывает тебя в море, когда целыми неделями не видишь земли.

Несколько лет подряд я сопровождал рыбаков во время летнего лова.

В лунные ночи тяжелого труда Евтей Романов, один из лучших рыбаков флотилии, проверял снасти, другой рыбак насыжал приманку на крючки, а третий сидел на веслах. Третьим был я. Евтей Романов умер и до самого конца своих дней не узнал, кто я и как меня зовут. Для него я был товарищ Думитриу, работник Министерства рыбной промышленности, и мне не удалось разузнать его в этом. Когда он увидел меня на лодках старые — еще со времен детства и юности — молью, когда он убедился, что я работаю не хуже других рыбаков, он был доволен и в лунные ночи полугол рассказывал мне. Это были рассказы старого рыбака, и от него я узнал многое о прошлой жизни труженников моря.

Тогда-то я и услышал впервые рассказ об одном рыбаке, товарищ которого уто-

нул, а ему чужом удалось спастись. Евтей рассказ а за а мне, как хозяин лодки (в те времена только кулаки владели снастями и лодками) несправедливо обвинил рыбака в гибели товарища по работе. Причиной этого чудовищного обвинения послужило то, что один из сыновей кулака был влюблен в ту же девушку, которую любил рыбак. Рыбак осудили на несколько лет каторги. Это произошло до освобождения нашей страны.

По существу, на этом и заканчивается история. Разбитая жизнь человека — вот и все. Но желание увидеть торжество справедливости, которое заложено в каждом из нас, толкнуло меня продолжить эту историю. Я подумал о том, что стало с семьей кулака после революционного обновления страны. И я увидел тогда старика, лишеного своего богатства, озлобленного и немощного. Одним из его сыновей я увидел скрывающегося под видом простого рыбака в морской флотилии, а другого, проходимца, исколесившего все моря, — прибравшимся в партию. С помощью интриг и угроз он стал почти диктатором среди рыбаков.

А моего героя, человека энергичного, волевого, выносливого, с огромной жаждой жизни, благодаря которой ему удалось спастись, когда он боролся с невиданным штормом, приведшим к гибели его товарища, я увидел в тьме забытым всеми. Но вот он возвращается домой, находит свою возлюбленную, выданную замуж по повелению. Затем я увидел его рабочим в порту Констанца, борющимся за рабочее дело и, наконец, активным членом партии, который направляет на работу именно в морскую флотилию, где он сталкивается со своими старыми врагами, сыновьями кулака.

Передо мной возникло множество вопросов: в чем философский смысл борьбы человека со стихией; не являются ли в конечном счете слепые силы природы более сильными, чем высшее мужество, на которое способен человек; вопрос о социальной справедливости в капиталистическом обществе, несправедливости, принимающей конкретные формы в жизни моих

героев; об отношении героя к любимой женщине, которую он вновь встречает в трудное для нее время. Вот только некоторые из вопросов, над которыми мне пришлось задуматься.

В 1953 году я опубликовал в журнале «Вяца Ромыняска» первый ответ на эти вопросы, то есть первый вариант книги «Буревестник». Мне удалось первая часть, относящаяся к прошлому. В остальных же событиях я отнесся несколько поверхностно, и они получились в виде некоей идиллии. Это была не оптимистическая трагедия, а скорее трагедия, которая переходила в славящий роман, а не романтически, в частной беседе наш старейший писатель Михаил Салюняну, который внимательно следил за развитием новой румынской литературы, обратил мое внимание на то, что создается впечатление, будто у моих героев нет других вопросов, которые их волновали бы, кроме производственных, что их личная жизнь недостаточно описана. Другие писатели добавили в свою очередь, ряд замечаний. Критик Ион Витнер указал мне на отсутствие в произведении единства замысла.

Меня самого уже не удовлетворял мой труд, и я снова решил отправиться в плавание с рыбаками. Я встретился с моими старыми друзьями и, к моему удивлению, убедился, что книга вызвала недовольство некоторых партийных и профсоюзных работников, но пришедших по душе многим рыбакам и матросам, которым нравилась критическая высказывания в романе. Те, к кому относился эти критические высказывания и факты, пожаловались в областной комитет партии в Констанце и получили оттуда следующий ответ:

«Соответствует ли действительности то, о чем говорит автор? Если нет, то никто не отнесет написанного на ваш счет. Если же это соответствует действительности, то мы советуем вам поскорее ликвидировать недочеты».

Новые выяснились за перо, я старался углубить взаимоотношения героев, стараясь всю сложность и напряженность конфликта в книге, проследить душевные переживания и драму моего героя и его любимой.

В 1954 году мое произведение вышло

в свет отдельной книгой. Оно существенно отличалось от первого варианта. Но, желая избежать славящего оптимизма, я направил судьбу моего героя по трагическому расу. Он гибнет, смирившись с судьбой, покоро, как это подобало носителю христианских идей непротивления злу, а не борущему коммунисту. Эта копювка никак не вязалась с волевым характером человека, проявившего исключительное мужество. Таким образом, логика развития «Буревестника», как говорится Чернышевским, оказалась нарушенной. Политическая коллизия также была лишена правдоподобия. Таковы были недостатки моего варианта.

Отметив стремление автора доработать свое произведение, а также главы, удавшиеся ему, критика подтвердила эти недостатки. В газете «Скмытея» появилась статья критика Михаила Петровича, который с большой душевной теплотой и уважением к проделанной работе, но с должной принципиальной строгостью показал хорошие и плохие стороны романа и выразил пожелание, чтобы автор продолжил работу над книгой. И автор продолжил свою работу. Задача стояла в том, чтобы показать все сложность и трагизм конфликта, в силу которого герой, человек больших душевных качеств, сталкиваясь со слепыми силами природы, с социальной несправедливостью, с коварством, ложью, стремлением в власти людей низких и алчных. Нужно было показать, какой неисчерпаемой энергией и смелостью обладает поблбный герой, какую энергию он черпает в самом себе и в простых людях, окружающих его. Наконец, нужно было закончить взаимодействие разняков, подкажанной правдой жизни, — герой идет вперед, преодолевая на своем пути любые трудности. Удалось ли мне это? Об этом пусть судят читатели.

Владимир Иванович Чичеров был влюблен в народное поэтическое творчество и всю свою жизнь отдал его собиранию и изучению. Не было ни одного начинания в фольклористике за последние годы, среди инициаторов которого не был бы Владимир Иванович. Блестящий лектор, талантливый исследователь, он был учителем и воспитателем для многих, авторитетным консультантом и советником для других, активным соратником в научной работе для многих.

Многочисленные исследования Владимира Ивановича Чичерова, посвященные русскому былевому эпосу, календарной поэзии, вопросам взаимоотношения литературы и фольклора и многим другим вопросам, являются значительным вкладом в советскую науку. Теплый прием находили его работы в странах народной демократии.

Необычайно деятельный, работоспособный, энергичный, Владимир Иванович вел большую научную и организационную работу в качестве руководителя сектора народного-поэтического творчества Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, заведующего кафедрой фольклора Московского государственного университета, заместителя главного редактора «Известий Академии наук» (отделение литературы и языка), члена редколлегии журнала «Советская этнография».

Владимир Иванович был исключительно внимателен не только к своим ответственным обязанностям, но и к всякой просьбе, обращенной к нему. Он был чуток к любому человеку, с которым ему приходилось общаться. Смерть Владимира Ивановича Чичерова являлась тяжелой утратой для нашей литературной науки, для широких кругов литературной общественности.